

Семенов Александр Альбертович**Semenov Aleksandr Albertovich**

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин
Армавирского механико-технологического
института (филиала) Кубанского государственного
технологического университета

D.Phil. in History, Professor,
Head of the Department of Humanities,
Armavir Institute of Mechanics
and Technology (branch) of
Kuban State Technological University

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ КАЗАЧЬЕГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX В.

SPATIAL AND TEMPORAL REPRESENTATIONS IN THE PUBLIC MIND OF THE NORTH CAUCASUS COSSACKS IN THE LATE 18TH – EARLY 19TH CENTURIES

Аннотация:

Статья посвящена пространственно-временным представлениям казачьего населения Северного Кавказа, нашедшим выражение в общественном сознании жителей края. Автор анализирует разнообразные исторические, географические, социокультурные факторы, обусловившие их специфику и формы проявления в повседневной жизни казачьего населения края, его отношение к окружающей действительности. По мнению автора, они в значительной мере повлияли на систему ценностей, нормы социальной и культурной жизни казачества, его повседневную жизнь и быт, а также сформировали особый тип сознания, присущий представителям российского Юга. Исходя из этого, целью статьи является выявление существенных отличий указанных представлений общественного сознания жителей региона от общероссийских. Новизна исследования состоит в том, что на его основе автор выделяет тот социокультурный тип личности, который сформировался в региональной социальной среде. Он анализирует специфику мировосприятия населения Северокавказского края и ее отражения в общественной организации и хозяйственной деятельности в регионе. Практическое значение исследования обуславливается возможностью использования его результатов для выработки практических форм реализации национальной политики РФ на Северном Кавказе как одним из самых сложных и специфических регионов в составе современного Российского государства.

Ключевые слова:

Северный Кавказ, пространство, время, традиции, эпоха, казачество, горцы, граница, этнос, общество.

Summary:

The study discusses the spatial and temporal representations of the North Caucasus Cossacks later reflected in the public consciousness of the inhabitants of the region. The research analyzes various historical, geographical, social and cultural factors determining their specific nature and manifestation in the everyday life of the Cossacks, the attitude of the latter to the surrounding reality. In the author's opinion, they had a significant impact on the values, standards of social and cultural life of the Cossacks, their daily life and routine and formed a special type of consciousness inherent in representatives of the Russian South. Accordingly, the purpose of the study is to identify the significant differences in these ideas of public consciousness of the inhabitants of the region and the all-Russian ones. The novelty of the study lies in the fact that on its basis the author reveals the social and cultural type of the personality which has been formed in the regional social environment. The study analyzes the specific features of the worldview of the population of the North Caucasus and its reflection in the social structure and economic activity in the region. The research findings may be useful in developing the modalities for the implementation of the national policy of the Russian Federation in the North Caucasus as one of the most sensitive and specific regions in the modern Russian state.

Keywords:

North Caucasus, space, time, traditions, epoch, Cossacks, highlanders, border, ethnic group, community.

Северный Кавказ намного позже других регионов Европы и Азии стал частью Российского государства. Не совсем обычное вхождение края в состав страны, относительно недавняя и непростая история освоения и заселения определили наличие специфических черт в его развитии, нашедших свое выражение в коллективном сознании местного населения.

На протяжении истории Северокавказского края под влиянием происходящих общественно-политических изменений в сознании его жителей формировались мыслительные представления, соответствующие определенному периоду его исторического бытия. Эти представления отражали особенности социальной организации региона, основные ценностные ориентиры его жителей, характер их социокультурных мотиваций. Важнейшие из них были связаны с особенностями географического положения края, характером регионального ландшафта и своеобразием его природной среды.

Важной частью комплекса представлений жителей края было своеобразное восприятие пространства-времени, в котором существовал человек. В период его заселения представителями из других областей России им приходилось сталкиваться с рядом условий, определяемых

спецификой пространственно-временного континуума колонизируемого региона. Пространственно-временной фактор оказывал существенное влияние на повседневную жизнь населения Северного Кавказа. Для этого региона было характерно сочетание различных ландшафтных и климатических зон. Это разнообразие в значительной степени определяло экономическую и хозяйственную жизнь населения, его деятельность в процессе обустройства региона. Постоянная смена ландшафта формировала и специфический тип сознания. Как отмечает Ф.А. Щербина, «природа всюду и всегда налагала яркий отпечаток на деяния людей, а на Кавказе, с его мощной горной обстановкой и бесконечным варьированием естественных исторических особенностей, влияние ее на человеческую жизнь и взаимоотношения было тем ярче и определеннее» [1, с. 2].

Населению Северного Кавказа приходилось жить в самых разнообразных обстоятельствах, связанных с пространственными и природными особенностями региона, меняя свое место жительства – от Черноморского побережья до степных зон, от горной местности до лесных массивов. Нередко смена природного ландшафта и обжитого пространства происходила несколько раз на протяжении жизни одного поколения. Кроме того, постоянные воинские походы, конфликты с автохтонным населением изначально предполагали изменения территориального характера. Они во многом определили формирование человека особого типа, готового существовать в любых климатических условиях, даже малоприспособленных для обычной жизни.

Исходя из этого, частая смена природных и пространственных ориентиров обусловила характер восприятия пространства сознанием жителей края. Нередко у населения Северного Кавказа вообще отсутствовало понятие о постоянном, раз и навсегда строго определенном месте проживания. Четко обозначенного и зафиксированного сознанием «дома» у казаков не существовало.

Представление о «доме», о «малой родине» включало в себя фактически весь край, его горную, приморскую и степную зоны. В любой момент казак с семьей (если таковая имелась) мог либо по указанию своего непосредственного начальства, либо по своему желанию отправиться в одну из областей Северного Кавказа на пространстве от Терека до Черного моря и продолжать свою воинскую службу уже на новом месте, которое часто было совершенно непригодным для жизни и где приходилось все начинать заново. В.А. Потто так описывает переселение казачества на Терек: «На новых местах казаки, разумеется, не нашли для себя ничего приготовленного. Прежде всего они для безопасности окопались земляными валами и стали гадать и думать, как им устроиться на зиму. Сама крепость и войсковые казармы возводились, как мы уже знаем, из материалов, заготавливаемых в приволжских городах и оттуда сплавляемых морем; о казаках тогда не подумали, и теперь под рукой у них не было даже строительного материала. Пришлось копать землянки и в них проводить довольно суровую зиму» [2, с. 26].

Такой образ жизни накладывал свой отпечаток на представления человека о собственной среде обитания. Она могла измениться в любой момент, определенного места для жизни не было. Это обстоятельство способствовало формированию специфического типа личности, очень мобильной, постоянно находящейся в движении, поисках лучших условий для проживания. Поэтому пространство региона воспринималось его жителями не только как территориальная величина. Как отмечает Н.И. Бондарь, «в данном случае идет речь не только о физическом пространстве (территория), но и о социальном и этническом. В физическом плане пространство делится на некультуренное (чужое) и окультуренное. В последнем, в свою очередь, выделяются такие локусы, как жилище, усадьба, территория, селение, территория войска. Каждому из них соответствует конкретный состав обязательных элементов в культуре (нормы поведения, одежда, обряды, представления, топонимика и т. д.)» [3, с. 3].

В данном контексте пространство в Северокавказском крае носило многомерный, многоуровневый, полифункциональный характер, и далеко не всегда его физические границы совпадали с этнокультурными, цивилизационными границами России. Жителями края оно воспринималось в соответствии с несколькими критериями как свое: близости к этносу, его досягаемости, структурированности, возможности его «условного» присвоения – закрепления в пределах российского социокультурного поля. Исходя из этого, восприятие пространства на уровне представлений сознания колебалось от «условно присвоенного» до этнически и культурно поглощенного.

Сходные представления жителей края имели место в отношении временного аспекта человеческой жизни, зачастую в общественном сознании соединенного с пространственным. С началом процесса заселения Северного Кавказа его обитатели существовали в нескольких временных уровнях:

- 1) общероссийском времени, т. е. во временном темпоритме российской цивилизации;
- 2) региональном времени, действующем до полного освоения края российскими переселенцами и отчасти в последующие периоды исторического развития. Например, автохтонное население Северного Кавказа до массового переселения представителей славянского этноса существовало в собственном временном измерении, не совпадающем с общероссийским;

3) совмещенный временной уровень образовался только после соединения российского системного времени со временем, действующим в Северокавказском регионе.

Поэтому в жизни населения края отсутствовало четко определенное, раз и навсегда устоявшееся представление о времени. Каждый определял его для себя исходя из индивидуальных особенностей, образа жизни, принадлежности к определенной культурно-этнической общности. В целом историческое время закрепились в сознании жителей региона в форме пограничного, временного измерения, постоянно изменяющегося и четко неопределенного.

Представление о границе у жителей края играло в этом контексте важную роль, и не только в пространственно-временном аспекте существования человека, но и в социокультурном. В пространственно-временном отношении граница могла отдаляться на значительное расстояние, но она всегда присутствовала в повседневной жизни человека, ее наличие определяло ту черту, за которой прекращается действие понятных и осознанных смыслов человеческого бытия и начинается действие элементов хаоса и дестабилизации. Эти представления носили сакральный характер, в них граница понималась как рубеж, где кончается «свой» мир и начинается «чуждый», непонятный, полный опасности и страха.

Такие представления были обусловлены формой существования поселенцев, в основе которой находилась воинская служба, охрана обжитой территории. Как отмечает выдающийся российский историк казачества Ф.А. Щербина, «черноморцы были поселены на Кубани как военная боевая сила, им поручены были бдение и стража пограничная от набегов народов закубанских. Поэтому охрана границ и военная служба сразу же охватили всю жизнь черноморца на Кубани.

Казак занимал край не как хозяин и производитель, а как воин и защитник окраины России. Главный город войска Екатеринодар был заложен не в центре края или у моря, а на черкесской границе, на самой черте ее. Большинство куренных селений первоначально было вытянуто вдоль Кубани близ границы. Укрепления – кордоны или посты, батарейки и пикеты, окаймляли край по границе с одной южной ее стороны. Все приурочено было к границе...

К границе были приурочены главнейшие моменты жизни казака, большую часть военной службы черноморец был на границе, жил на кордоне и отсюда поочередно ходил и ездил то на пикеты, то в разъезды, то в ночные залогии. Днем и ночью он привязан был этой службой к пограничной линии, точно к какой-то невидимой нити...» [4, с. 108].

В жизни населения региона граница не была чем-то периферийным, отдаленным, не связанным с повседневным человеческим существованием, напротив, она играла роль сакрального центра, вокруг которого и шла жизнь Северного Кавказа. Не случайно, к примеру, то, что даже столица Кубанского казачества располагалась не в безопасных и удобных для жизни районах края, а на самой границе, в непосредственной близости к еще неосвоенной и необжитой территории. Пограничье в сознании населения региона не только представляло собой реальный территориальный рубеж, но и определяло особые способы и формы социокультурного существования, связанные с фактором неопределенности и неустойчивости окружающего мира. Оно порождало в сознании населения региона нестабильный инверсионный тип восприятия окружающей действительности. Коллективное сознание социума, основанное на мыслеобразе (термин Г.Д. Гачева) пограничья, отличалось крайней неустойчивостью, быстрой сменой направлений своей активности.

Влияние этого мыслеобраза ощущалось также в экономической и политической сферах существования человека в крае, определяя смысловую сущность соответствующих им массовых представлений. С момента заселения Северный Кавказ отличался особым характером экономической жизни. Край осваивался свободными в личном отношении людьми, которые переселялись на практически незанятые территории, на которых они устанавливали особый порядок экономической и хозяйственной жизни, основанный на началах казачьего самоуправления и самоорганизации. Вместе с тем этот порядок также в значительной степени основывался на общинном укладе социальной организации переселенцев и был характерен для подавляющего большинства населения России в целом. Но на Северном Кавказе для развития традиционной формы общественного и хозяйственного устройства – общины – открылись новые возможности, определившие специфику повседневной жизни края. По мнению П. Кенеза, на Юге России в казачьих областях сложились необходимые условия и для последующего сохранения и дальнейшего развития традиционной формы общественного и хозяйственного устройства [5].

В первую очередь они коснулись природных ресурсов, необходимых для ведения хозяйства. Таковых в Северокавказском регионе оказалось в достатке. Более того, население края, включая как переселившихся из России, так и автохтонных жителей, было слишком мало численно для того, чтобы освоить их. Свободных земель в крае было сколько угодно, не было устоявшихся государственных институтов, ограничивающих использование земельных угодий (они возникли позже, и их деятельность существенным образом отличалась от аналогичной деятельности в районах Центральной России). Все это открывало широкий простор для реализации традиционных форм российской хозяйственной жизни, но уже в новом региональном варианте.

Общинное земледелие, ставшее основой экономики Северного Кавказа, не было ограничено никакими рамками, за исключением собственных казачьих традиций и обычаев. Н. Корнилов в статье «Земля и воля», посвященной практике землепользования у донских казаков, отмечает, что «в силу ряда обстоятельств у донских казаков сложилось общинное землепользование. Все лица войскового сословия имели равные права на землю, леса, воды, рыбу, зверя и т. д. Каждый казак для ведения своего хозяйства мог занимать столько земли, сколько считал необходимым, но независимо от общественного положения никто не имел права присваивать какую-нибудь часть земли в исключительное владение» [6, с. 205]. Общинная форма организации экономической жизни нашла свое яркое выражение в соответствующих представлениях, характерных для сознания населения Северного Кавказа, таких как:

- представление о земле-кормилице, которую нельзя продавать или присваивать,
- представление об общинной собственности, данной Богом, которой человек мог воспользоваться лишь на правах временного владельца.

Эти представления распространялись и на иные природные ресурсы края. Они находились в совместном владении, принадлежали всем и одновременно никому в отдельности. Данные представления определяли основные ценности, нормы и ориентиры повседневной человеческой деятельности в Северокавказском крае и стали основой казачьего быта.

Таким образом, на специфику пространственно-временных представлений населения Северного Кавказа оказали существенное воздействие, с одной стороны, традиционные формы самоорганизации казачьего и других сообществ, проживающих на данной территории, особенности их культуры, быта, социального развития, с другой – характер природной среды самого региона, в частности его географическое положение, пограничное, периферийное расположение вдали от основных центров российской цивилизации, климатические и ландшафтные особенности, наличие в нем большого количества свободных земель, пригодных для сельскохозяйственной обработки и природных ресурсов, также необходимых для развития активной экономической деятельности. Все это, вместе взятое, и определило особенности восприятия пространства-времени населением края, сформировало у него определенный тип отношения к окружающей его действительности.

Ссылки:

1. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска : в 2 т. Т. 1. История края. Екатеринодар, 1910. 734 с.
2. Потто В.А. Два века терского казачества (1577–1801). Т. 2. Ставрополь, 1991. 384 с.
3. Бондарь Н.И. Казацкого рода-племени // Кубанские новости. 1996. 20 марта.
4. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. 2. История войны казаков с закубанскими горцами. Екатеринодар, 1913. 848 с.
5. Kenez P. Civil War in South Russia, 1918: The First Year of the Volunteer Army. Berkeley, 1971. 416 p.
6. Корнилов Н. Земля и воля // Дон. 1994. № 1.

References:

- Bondar, NI 1996, 'Belonging to the Cossacks', *Kubanskiye novosti*, March 20, (in Russian).
Kenez, P 1971, *Civil War in South Russia, 1918: The First Year of the Volunteer Army*, Berkeley, 416 p.
Kornilov, N 1994, 'Earth and will', *Don*, No. 1, (in Russian).
Potto, VA 1991, *Two centuries of the Terek Cossacks (1577-1801)*, vol. 2, Stavropol, 384 p., (in Russian).
Scherbina, FA 1910, *The history of the Kuban Cossack Army*, in 2 vols., vol. 1, Ekaterinodar, 734 p., (in Russian).
Scherbina, FA 1913, *History of the Kuban Cossack Army*, in 2 vols., vol. 2, Ekaterinodar, 848 p., (in Russian).